

О. В. Зарецкая

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И РЕГИОНАЛИЗМ ШВЕЦИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА *

Завершение холодной войны девальвировало прежние военные угрозы. Политика безопасности Швеции переживала перемены. Полностью изменить внешнеполитический курс «свободы от военных союзов» шведское правительство не могло, так как нелегко было отказаться от традиционного для шведского общества нейтралитета и перестроить военно-ориентированный сектор промышленности¹.

Сокращение политического и военного присутствия России на Севере компенсировалось усилением влияния США и расширившегося, прежде всего за счет Финляндии и Швеции, Европейского Союза, с которым с 1995 года появилась общая граница, превышающая границу с НАТО в 6,5 раз.

Вступление в ЕС означало присоединение к группе стран, которые осуществляли тесную координацию своей политики в области экономики, торговли, конъюнктурных и социальных вопросов, согласовывали свою внешнюю политику и заявляли, что делают это с целью создания нового государства, подчиненного единому политическому органу. Таким образом, Швеции так или иначе пришлось учитывать мнение Брюсселя при принятии внешнеполитических решений.

Позиция Швеции в 1990-е годы строилась на том, что все страны должны быть в разных формах вовлечены в сотрудничество в северном регионе. Поддержка ННГ (новых независимых государств) Балтики стала, таким образом, важной задачей шведской политики в области обеспечения безопасности. В 1994 году из правительственной декларации исчезло слово

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект № 13-11-29002 а (р)).

«нейтралитет», вместо него было заявлено, что Швеция остается вне военных альянсов.

В начале 90-х годов в Швеции была популярна программа регионально-го строительства, по которой северный регион (со Швецией в центре) окружен периферией балтийского сотрудничества².

Однако возникли новые (а вернее, всплыли старые и глубинные) проблемы: внутренние распри, вооруженные столкновения и даже гражданские войны. Новые проблемы можно распределить по четырем группам: 1) этнические и религиозные конфликты; 2) политическая нестабильность; 3) социальная напряженность; 4) экологические риски³.

Все эти проблемы характерны для Европейского Союза, членом которого Швеция является с 1995 года. Однако, судя по опросам, членство в ЕС к 2000 году не поддерживало большинство населения Швеции⁴. Доказательством отрицательной позиции граждан является и тот факт, что Швеция до сегодняшнего дня не приняла евро как государственную валюту. Причина такого негативного отношения — то, что не все страны Европы являются членами Евросоюза, по мнению Швеции, это служит разъединяющим фактором для сотрудничества⁵.

Швеция, не без своих на то интересов, взяла на себя роль посредника в диалоге между Москвой, с одной стороны, и Таллином, Ригой и Вильнюсом — с другой. Швеция выступала за право прибалтов самим выбирать свою международную ориентацию, то есть просить о вступлении в НАТО. Поддержка государств Балтии стала в этот период важнейшей задачей всего внешнеполитического курса Швеции, с помощью которого она оказывала политическое давление на Россию, добиваясь вывода российских войск из Прибалтики. Предложения президента РФ Б.Н. Ельцина о гарантиях безопасности, сделанные им в ходе государственного визита в Швецию в декабре 1997 года, были фактически отвергнуты шведским руководством, усмотревшим в них попытку снова втянуть Балтию в сферу российских интересов.

Отдельный вопрос политики Швеции в отношении Балтийских государств в области безопасности — помощь в создании вооруженных сил. Официальная военная доктрина Эстонии скопирована со шведской «тотальной обороны» (пост министра обороны Эстонии некоторое время занимал бывший шведский офицер Х. Ребас). Швеция помогала Эстонии в создании электронной системы контроля за воздушными, морскими и сухопутными границами. Таким образом, Стокгольм хотел закрыть существовавшую во время Советского Союза брешь на своей границе с Россией, создать буферную зону безопасности. Однако эта проблема не вызвала

серьезных противоречий между Швецией и Россией. Более того, развивающемуся сотрудничеству с РФ всерьез не помешали ни разногласия по вопросу расширения НАТО, ни война в Чеченской Республике.

Другой тенденцией внешнеполитической стратегии Швеции в начале 90-х годов была регионализация и активное участие в Совете государств Балтийского моря (СГБМ) и Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) на Севере. Поэтому в 1992 году Швеция становится активным участником Совета государств Балтийского моря.

Изначально Швеция в Балтийском регионе тяготела к двустороннему сотрудничеству. Двусторонние отношения заключались в основном между Швецией и Эстонией, потому что в Швеции проживает огромная община эстонских эмигрантов, а шведский бизнесмен Тоомас Хендрик Ильвес в апреле 1992 года был назначен эстонским министром иностранных дел. Одно из важных направлений в сотрудничестве Балтийского региона — деятельность Швеции в сфере экологии. В Рённебю в 1990 году состоялась конференция по экологическому возрождению Балтийского моря с участием СССР. Шведская сторона выразила желание принять участие во многих природоохранных мероприятиях на территории СССР (например, в отношении комбината «Печенганикель»). И действительно, 1/4 всех субсидий направляется непосредственно на защиту окружающей среды (в основном природоохранные меры в Балтийском море), на втором по важности месте стоят создание и поддержка рыночной экономики⁶.

Несмотря на то что сначала экономическое будущее Прибалтики вызывало у Швеции определенные сомнения, особенно тогда, когда Швеция начиная с 1991 года сама оказалась в трудном положении, она, тем не менее, была заинтересована в этом сотрудничестве в сфере экологии, торговли и обеспечении безопасности. Экономический кризис в Швеции стал одной из причин ее присоединения к Европейскому Союзу, вступление в ЕС увеличило ее «северное измерение». Сейчас уже большая часть Балтийского региона входит в ЕС.

Участие Швеции в становлении балтийского регионального сотрудничества было достаточно продуктивным. В частности, она расширила уровень СГБМ; с середины 1995 до середины 1996 года, будучи председателем организации, Швеция инициировала встречи глав правительств (помимо встреч министров иностранных дел). Шведский премьер-министр также основал специальную группу поддержки для помощи латвийскому председательствованию в организации, стал инициатором основания постоянного секретариата в Стокгольме, который начал свою работу в июле

1998 года. Шведская активность послужила причиной вовлечения России в рабочую группу Германии, что обусловило их продуктивную работу на саммите, прошедшем в Риге в январе 1998 года. Но, несмотря на свою активную балтийскую политику, Швеция не согласилась выступить в роли региональной сверхдержавы и не предоставила гарантии по «мягкой формуле» безопасности Эстонии, Латвии, что означало бы некоторые военные обязательства и политический патронаж⁷.

Причины вступления Швеции в СГБМ:

- 1) общие исторические и культурные связи: Швеция имеет длительные традиции экономических, политических и культурных отношений со странами Балтики;
- 2) проблема лидерства: для Швеции легче играть ведущую роль в этом регионе (так как это сотрудничество между маленькими странами, а не со сверхдержавами);
- 3) позиция Балтийской региона: это сотрудничество является гарантией шведской безопасности.

С конца 80-х годов Швеция была очень заинтересована в сотрудничестве со странами Восточной Европы. За период с 1989 по 1992 год 1 млрд шведских крон был направлен на поддержку этих государств, а с 1992 по 1995 год 1 млрд уже тратился каждый год. Второй уровень сотрудничества относился не ко всем странам Восточной Европы, а непосредственно к Польше, ННГ Балтии, северо-западу России. Около 69 % специально скорректированных программ составлялись совместно с Эстонией, Латвией и Литвой, 17 % — с Польшей, около 8 % — с Россией⁸.

Если говорить о помощи России, то она заключается в следующем: предоставление средств на создание кадастра (27 млн швед. крон), макроэкономический менеджмент (15 млн швед. крон), охрана окружающей среды (15 млн швед. крон), поддержка банков (10 млн швед. крон).

Бывший премьер-министр Швеции К. Бильдт выступил с предложением расширить сотрудничество между странами Севера и балтийскими государствами путем реализации самостоятельной программы «Партнерство стран Севера». Предложение Бильдта предусматривало, что Россия будет подключена к партнерству на другом уровне, то есть через переговоры с НАТО. По его мнению, такой вариант «не повлек бы за собой существенных изменений ни в отношениях Дании и Норвегии с НАТО, ни в нейтралитете Швеции»⁹.

Швеция наряду с Германией и Финляндией — главный торговый партнер балтийских государств. Шведы и финны преобладают среди иностран-

ных инвесторов (в Эстонии — 50 % от всех иностранных инвестиций в 1993 году). Кроме того, соглашения о свободной торговле между Швецией и Литвой, Латвией и Эстонией сыграли большую роль в решении ЕС начать переговоры о заключении подобных договоров с балтийскими государствами¹⁰.

Чтобы не допустить обострения отношений Запада с Россией из-за Балтики, влиятельная американская «Рэнд корпорэйшн» в марте 1996 года предложила идею, которая была популярна некоторое время в Вашингтоне, — предоставление Швецией — ведущим государством Балтийского региона — военно-политических гарантий дружественным странам Балтии. Руководство в Стокгольме отказалось воспользоваться таким предложением Б. Клинтона, сочтя издержки превышающими выгоду (в виде повышения своей субрегиональной роли). США было выгодно, чтобы основное бремя забот о положении прибалтийских республик, что проявилось во время официального визита премьер-министра И. Перссона в США в августе 1996 года, взяла бы на себя Швеция.

Таким образом, Швеция в конце XX века остается твердым «европейским нейтралом» и избирает тактику так называемой «паутиной интеграции» прибалтийских государств в евроатлантические институты. Хотя в последнее время нейтральная Швеция неожиданно высказалась в поддержку расширения НАТО, видя в альянсе некий стабилизирующий фактор. В конце 1990-х годов официальная доктрина внешней политики Швеции, заключающаяся в военном неприсоединении, стала предметом дискуссий как нерелевантная в меняющихся условиях (расширение НАТО)¹¹.

Стокгольм, пройдя достаточно сложную эволюцию в вопросах европейской политики после холодной войны, как показывает Б. Хульт (в прошлом — директор Шведского института внешней политики и руководитель программы Шведского военного колледжа), намерен расширить свое сотрудничество с НАТО на Балтике путем активного участия в программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). Это предусмотрено национальным планом. Тем самым шведы надеются подключиться к общим политическим гарантиям НАТО, чтобы обеспечить большую стабильность Балтийского региона.

Тем не менее региональное сотрудничество рассматривается Швецией в качестве необходимого компонента безопасности, но неспособного заменить военно-политические и специальные гарантии союзов и блоков Запада. Швеция заинтересована в расширении контактов с Атлантическим альянсом в области миротворческой деятельности и урегулирования конф-

ликтов. Это находит свое подтверждение в активной позиции Стокгольма на переговорах в Питерсберге, участии в силах по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине и соблюдении Дейтонских соглашений¹². Но по вопросу урегулирования югославского кризиса Швеция поддержала натовскую агрессию.

Таким образом, относительно деятельности Швеции в СГБМ можно заключить следующее. Швеция — одна из самых больших стран этого региона (по количеству населения и площади); она оказывает большое влияние на политику региона и его структуру. Страна в качестве лидера вовлечена во все дела региона и принимает активное участие в решении проблем. Эта роль способствует размыванию шведского нейтралитета.

В 1993 году в состав Баренцева/Евроарктического региона вошла шведская провинция Норрботтен, самая северная и разнообразная по своему этническому составу, основу которой составляют три этноса: саамы, шведы и финны. Саамы составляют 20 тыс. населения, их основное занятие — оленеводство. Значительное присутствие финского населения обеспечило возможность первого межрегионального сотрудничества — создание «Ботнической провинции» в долине реки Торнио. Финская культура оказала значительное влияние на формирование культурной специфики Норрботтена (который образно называют родиной шведской сауны)¹³.

В 1997 году в СБЕР вошла еще одна крупнейшая провинция Швеции — Вестерботтен, что явилось своеобразным показателем заинтересованности Швеции в сотрудничестве. Цель шведской политики в Баренцевом регионе — содействие общей безопасности, углубление демократии.

В условиях Крайнего Севера, характеризующихся высокоинтенсивным воздействием человека на окружающую среду, сохранению здоровья человека уделяется первоочередное внимание. Важное место отводится профилактике заболеваний. Швеция участвовала в строительстве санаториев-профилакториев в Мурманской области, установлении прочных связей между врачами из Апатитов и шведского города Будена¹⁴.

В 1997 году Шведское главное управление по развитию периферийных мероприятий организовало научные экскурсии и международный семинар «Малый местный туризм: Швеция в перспективе Баренцева/Евроарктического региона». Задачи деятельности управления — «содействие улучшению условий жизни и возможностей в сельских малонаселенных районах страны, в особенности в лесных и прибрежных районах; выступать экспертом в вопросах периферийных мероприятий, одновременно исполняя функции “представителя” по отношению к населению малонаселенных

и сельских районов; участие в программе “Культура в Баренц-регионе: обучение/контактная сеть”, ставящая своей целью обучение и создание контактной сети для работников культуры Севера Швеции, северных районов Норвегии и Финляндии, а также Северо-Запада России»¹⁵. Культурный туризм, которому был посвящен семинар, не представлял туризм как форму бизнеса. На данном этапе речь скорее идет о новом важном явлении в культурной жизни северных стран — появлении локальных экосканеров, задача которых не сводится лишь к получению дохода, они способствуют развитию локального самосознания, повышению качества жизни на Севере, что особенно важно в ситуации миграции молодежи с севера во всех областях, входящих в Баренцев регион. Поэтому опыт шведов и их проект культурного туризма приобретают актуальность и международное значение.

Проанализировав двустороннее сотрудничество Швеции, стоит отметить, что она отдает приоритет приграничным районам, к которым относятся Мурманская, Архангельская области и Карелия. За период 1991/92–1993/94 годов общий объем шведской помощи составил 2724 млн швед. крон, но определить, какая именно часть была направлена на развитие российского Баренцева региона, не представлялось возможным¹⁶. В основном шведские власти финансировали конференции, научные семинары, встречи, такие как шведско-русская конференция народного движения в Мурманске и Апатитах «Демократия и устойчивое развитие». Летом 1997 года был организован совместный с русскими коллегами курс для учителей из Норрботтена и Вестерботтена. Они познакомились с районом и получили возможность устанавливать контакты с русскими учителями, для того чтобы создать сеть и установить сотрудничество между школами в регионе.

В сфере экономики Швеция осуществляет помощь в рамках программы «Нордпрактик», очередной этап которой называется «Новые менеджеры для России». «Нордпрактик» существует с 1992 года. Изначально программа была ориентирована на Балтику, но в 1995 году ее создатели обратили внимание на Россию. Благодаря поддержке главного спонсора Нордпрактик — Шведского агентства международного сотрудничества и развития (СИДА) — 250 специалистов из нашей страны побывали на предприятиях Швеции, Норвегии, Финляндии и Дании. Швеция готова принять около 30 стажеров из Архангельской области. Профиль шведских предприятий — лесная промышленность, телекоммуникации, транспорт, строительство, туризм. Андерс Бергстрем, руководитель проекта из Стокгольма, сказал: «Нам хотелось бы сделать упор на развитие отношений между компаниями малого и среднего бизнеса»¹⁷.

Деятельность Швеции в СГБМ обширна и продуктивна. Высокая активность Норвегии в Баренцевом регионе в начале 90-х давала право исследователям, таким как Янг Орал, Кайзе Латенмаки, Свире Йевеллу и другим, утверждать, что Швеция гораздо менее заинтересована в СБЕР. В конце 1990-х годов группа ученых и исследователей из Швеции, Университет г. Умео, департамент истории (директор Том Эрикссон, профессор Пер Фраберг, докторант Якоб Стритсленд) и Центр региональных исследований (профессор Фред Хеквист, Педер Аксетон, профессор Ларс Вестин и другие), занялась изучением истории шведского регионализма, основное внимание было уделено участию Швеции в СБЕР. С точки зрения всех вышеназванных ученых, в СБЕР от Швеции входят северные провинции, тогда как в деятельности СГБМ участвует правительство в Стокгольме, поэтому, если изучить государственные документы и правительственные газеты, действительно можно прийти к выводу, что Швеция не столь заинтересована в СБЕР, как в СГБМ.

Весной 2000 года в одной из крупнейших шведских газет появилась серия статей под общим названием «Растрескавшаяся Швеция»¹⁸. В газете был представлен следующий сценарий: юго-восточные провинции устанавливают экономические и культурные связи с Данией и Германией, западные прибрежные районы тяготеют к Англии, Стокгольм и центральные районы — к странам Балтийского моря. Оставался лишь север Швеции, который, очевидно, являлся для правительства наименее важным районом в стране. Эта дискуссия впоследствии послужила поводом для выхода целого ряда работ, посвященных Баренцеву региону и Швеции¹⁹. В указанных работах объяснялась роль СБЕР для Швеции и Севера для всей страны. Итак, Норрботтен и Вестерботтен находятся ближе, чем все другие районы Швеции, к России, следовательно, к зонам ядерных отходов, заводов, военных баз, а также ближе всех к норвежским и российским залежам газа и нефти. Отсюда важность Севера с точки зрения охраны окружающей среды. На территории северных провинций расположены границы с тремя экономическими системами: Евросоюза, российской и норвежской.

Таким образом, деятельность Швеции в обоих регионах примерно одинакова, с той лишь оговоркой, что в СГБМ заинтересованы центральные районы, а в СБЕР — северные провинции. Швеция пытается стать своеобразным центром формирующегося Балтийско-Баренцева/Евроарктического пространства²⁰. Активное участие в региональных проектах СБЕР и СГБМ позволяет Швеции реализовать многолетний опыт добрососед-

ского сотрудничества с СССР в условиях новой Европы. Благодаря «Северному измерению» ЕС региональные проекты поддержаны финансовыми институтами международных экономических организаций и Евросоюза.

* * *

¹ Воронов К.В. Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы) // Северная Европа: проблемы истории. М., 1999. Вып. 3. С. 275.

² The Baltic Sea Area: A region in Making / Ed. by M. Kukk, etc. Sarpborg, 1992. P. 45.

³ Воронов К.В. Будущее Европы: безопасность через международные объединения // МЭиМО. 1998. № 3. С. 153.

⁴ Perry M., Sweeney M.J., Winner A.C. Strategic Dynamics in the Nordic-Baltic Region. USA, 2000. P. 135

⁵ Carlborn M. EU-Sweden Discord on Baltic States. EU Candidate Persists // Dagens Nyheter. 1997. 9 September.

⁶ Svenska Utenriksdepartamentet Arkiv (далее — SUDA) Ds 1994: 134.

⁷ Воронов К.В. Балтийская политика России: поиск стратегии // МЭиМО. 1998. № 12. С. 133.

⁸ SUDA, Ds 1994: 134, Sveriges Samarbete med Central- och Osteuropa, SAU rapport no. 9 Fritzes. Stockholm.

⁹ Воронов К.В. Будущее Европы... С. 150

¹⁰ Воронов К.В. Ближняя Балтика между Россией и Западом: выбор курса // МЭиМО. 1995. № 10. С. 153.

¹¹ Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М. Северная Европа. Регион нового развития. М., 2008. С. 423.

¹² Воронов К.В. Балтийская политика России... С. 134.

¹³ Востряков Л., Давыдов И. Этнографический туризм. Международный семинар в Швеции // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 14.

¹⁴ Закондырин Е. Север, среда, люди // Экономд. 1995. № 2–3. С. 45.

¹⁵ Востряков Л., Давыдов И. Указ. соч. С. 152.

¹⁶ Программа Баренц-совета. 1996.

¹⁷ Зеленина Н. Новые менеджеры для России // Правда Севера. 1998. 25 февр.

¹⁸ Aftonbladet. 3.03.2000.

¹⁹ Hedkvist F., Weissglas G. Regionalisation in North- Western Europe. Umeå, 2001; Mahura A., Andres R., Jaffe D. Atmospheric Transport Patterns. Umeå, 2000; Axensten P. Modelling and Visualizing Short Term Impact of a Nuclear Accident on Transportation Flows. Umeå, 2001.

²⁰ Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М. Указ. соч. С. 365.